

Православно-католические отношения на современном этапе

1 ноября 2010 года председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион **прочитал учащимся Московской духовной академии и семинарии лекцию**, посвященную теме православно-католических отношений.

1. Отношения Между Православной и Католической Церквями во II тысячелетии христианской эры

На протяжении первых десяти веков существования христианства Восток и Запад составляли единую Церковь. Единство сохранялось, несмотря на то, что имелись определенные различия в богословии и в области литургической практики. События, которые произошли в середине XI века и привели к печальному разделению между христианским Востоком и христианским Западом, носили по преимуществу церковно-политический характер, однако в основе этого разделения лежал и целый ряд других факторов, в том числе несогласие по некоторым пунктам вероучения и церковной практики. За последующие почти десять веков раздельного существования эти расхождения существенным образом увеличились, и сегодня они весьма значительны в самых разных областях богословия и церковной жизни.

В течение второго тысячелетия, вплоть до середины XX века, во взаимоотношениях между Православием и католичеством ключевым оставалось понятие «ересь». И православные, и католики воспринимали друг друга как еретиков. Следовательно, никакого разговора о диалоге, о взаимодействии, о правилах сосуществования на той или иной территории не могло и быть. Там, где ересь, нет благодати. Там, где ересь, нет Церкви. Следовательно, там, где царствует ересь, мы должны прилагать усилия для того, чтобы искоренять ее и проповедовать истинную христианскую веру.

Так относились к католикам православные. Точно так же относились к православным католики. Если православие – это ересь, значит, Православная Церковь не является спасительной, значит, ее таинства недействительны и, значит, там, где существует Православная Церковь, с точки зрения католика – Церкви не было вообще. А следовательно, в православных странах, невзирая на присутствие Православной Церкви, с точки зрения католиков, необходимо было проповедовать христианское учение, вести миссию.

Одним из таких «миссионерских» проектов Католической Церкви было, начиная с XIII века,

униатство. Его суть заключалась в том, чтобы позволить православным сохранить свои обряды, свою православную внешность, свой привычный строй церковной жизни, но при этом заменить православную иерархию католической, сделать так, чтобы вместо православных Патриархов поминался папа Римский.

Таким образом, вся церковная политика выстраивалась на том, что православные и католики взаимно не признавали друг друга в качестве Церкви. Все те страдания, которые пережили православные люди на территориях, где насаждались католицизм и уния, были следствием такого понимания, и если бы оно сохранялось до сего дня, то, наверное, наши взаимоотношения с католиками оставались бы прежними.

2. Вклад II Ватиканского собора в изменение отношений между Церквями. Начало богословского диалога

Что изменилось во взаимоотношениях между католичеством и православием в эпоху II Ватиканского собора? Почему мы можем говорить, что с этого момента отношения вышли на иной уровень? Ведь те разногласия в богословской и экклезиологической области, которые существовали раньше, продолжают существовать до сих пор. Ведь никто ни от чего не отказался: ни католики от тех догматов, которые мы не признаем, ни мы – от признания этих догматов ошибочными и нарушающими целостность церковной истины и церковного строя.

И все-таки произошло что-то очень важное, что позволяет нам сегодня строить отношения на совершенно других основах. Прежде всего, в документах II Ватиканского собора и в принятых впоследствии официальных декларациях Католической Церкви, пересмотрено отношение Католической Церкви к Православию. Католики признали что в Православной Церкви есть апостольское преемство и что в ней совершаются Таинства. Иными словами, если раньше католики считали, что Православная Церковь – это вообще не Церковь, а просто сборище еретиков и схизматиков, то сегодня на официальном уровне Католическая Церковь признает Православные Церкви Церквями, признает спасительность и действенность Таинств, которые в них совершаются. Это отношение позволило Православной Церкви в 1980 году вступить в официальный диалог с Римско-Католической Церковью.

3. Отношение Православной Церкви к Католической и к ее таинствам

Каково было отношение Православной Церкви к католикам на момент начала этого диалога? Прежде всего, надо отметить, что официально Православная Церковь не признавала никаким документом, декретом или определением действенность и спасительность таинств Католической Церкви. Но фактически на протяжении веков в Православии практиковался такой же чин приема

католиков, который сегодня употребляется католиками в отношении православных. Это значит, что если мы принимаем в лоно Православной Церкви крещенного в Католической Церкви мирянина, мы его не крестим заново; если он прошел у католиков конфирмацию, мы его не миропомазываем; если он был католическим священником, мы его не рукополагаем в священный сан, а принимаем в сущем сане.

Открытым остается вопрос о признании католических монашеских орденов – здесь нет единой практики, поскольку в самой Католической Церкви нет представления о монашестве, которое соответствовало бы нашему представлению. Но что касается таинств – в случае перехода католика в Православную Церковь мы не повторяем те таинства, которые были совершены над ним в Католической Церкви.

Эту практику можно трактовать по-разному. В соответствии с одним толкованием в Католической Церкви существуют только пустые формы, но при вхождении человека в Православную Церковь они как бы задним числом наполняются благодатью Божией. Такое толкование распространено достаточно широко. Есть и другое толкование, в соответствии с которым Православная Церковь фактически признает Таинства католиков, но при этом между двумя Церквями нет общения в Таинствах.

Эти две точки зрения сосуществуют сегодня в Православной Церкви, но официальной нельзя назвать ни ту, ни другую, поскольку общепринятой общеправославной точки зрения на действенность Таинств Католической Церкви сегодня нет. Более того, существует и различная практика. Есть регионы, где католика-священника не примут в сущем сане. Например, на Святой Горе Афон: если католический священник захочет перейти в православие и стать афонским монахом, его заново покрестят, миропомажут, потом рукоположат во диакона и во священника. Именно таким образом все и произошло с известным французским богословом архимандритом Плакидой (Дезеем), который в Католической Церкви был приором монастыря (то есть, по нашим меркам – архимандритом), но, перейдя в православие на Афоне, был заново крещен, миропомазан и затем рукоположен в диаконский и священнический сан.

4. Причины и цели вступления Православной Церкви в диалог с католиками

Возвращусь к вопросу о том, на каких основаниях и почему Православная Церковь вступила в диалог с Католической. Прежде всего, это было сделано для того, чтобы найти новые пути сосуществования и новые методы взаимодействия. При этом, вступая в диалог, Православная Церковь отказалась от употребления термина «ересь» в отношении католичества. Это вовсе не значит, что с повестки дня снят сам термин «ересь» или сняты те разногласия, которые существуют между православными и католиками. Это значит, что православные наложили

мораторий на употребление данного термина на время работы богословской комиссии по православно-католическому диалогу.

Почему важно было отказаться, хотя бы на время, от этого термина? Хочу привести пример из другой области. В тот момент, когда Русская Православная Церковь вступила в диалог с Зарубежной Церковью, между нами существовала долгая традиция взаимных обвинений. Мы называли Зарубежную Церковь «расколом», а они, даже на официальном уровне, говорили о безблагодатности Таинств, совершаемых в Московском Патриархате. Условием вступления в диалог был взаимный отказ от этих обвинений и терминов – мы как бы наложили на них мораторий. С момента начала диалога с Зарубежной Церковью мы в Московском Патриархате перестали называть ее расколом, и сейчас, после того, как разделение уже преодолено, мы не говорим о Зарубежной Церкви как о расколе – даже задним числом. Это было нужно для того, чтобы мы смогли сесть за стол переговоров. Если мы говорим: «Вы – раскольники, вы – еретики, вы – схизматики», а они нам говорят: «Нет, это вы – раскольники, это вы – еретики», это очень похоже на ситуацию, которая существовала в отношениях между православными и католиками на протяжении тысячи лет. А к каким последствиям привели эти отношения на практике, все мы прекрасно знаем.

Так вот, сейчас Православная и Католическая Церкви находятся в состоянии диалога, и по этой причине мы на официальном уровне отказались от терминологии, которая диалогу препятствовала. Это не значит, что отдельные богословы в своих книгах или статьях не могут продолжать употреблять те термины – в том числе уничижительные и оскорбительные, – которые употреблялись в прежнюю эпоху, но люди, участвующие в официальном диалоге, такой терминологией пользоваться не могут и не должны.

Отказ от враждебной терминологии, стремление к диалогу, готовность рассматривать те различия, которые между нами существуют, – все это привело к тому, что отношения между православными и католиками вышли на новый уровень. Конечно, многие проблемы не сняты, и время от времени в тех или иных регионах они обостряются. Мы помним, как в конце восьмидесятых годов XX века, когда началось возрождение структур Греко-католической церкви на Западной Украине, несколько сотен православных храмов было захвачено греко-католиками, православные были из них изгнаны, были разгромлены три епархии Русской Православной Церкви. Конечно, все это было следствием сложившихся к тому времени политических обстоятельств; свою роль сыграло и то, как советская власть поступила с греко-католиками в 1946 году, по сути, вынудив их уйти в подполье. В целом можно сказать, что рецидив униатства на Западной Украине был вызван политическими обстоятельствами и политической конъюнктурой, точно так же, как политической конъюнктурой был вызван рост раскола на Украине – раскола уже внутри Православной Церкви.

5. Изменения в оценке унии со стороны Католической Церкви. Баламандский документ 1993 года

Если говорить о том, как православные и католики понимают унию сегодня, то можно отметить ряд кардинальных сдвигов, которые произошли в ходе богословского диалога. Диалог этот начался в 1980 году с вполне традиционных богословских тем – в том числе экклезиологического характера. Но с девяностых годов, по настоянию православных, в повестку дня была включена тема унии, и в 1990 году во Фрайзинге (Германия), а затем в 1993 году в Баламанде (Ливан) между православными и католиками на официальном уровне было достигнуто согласие по вопросу о том, что уния не является методом достижения единства. «Мы отрицаем этот метод поиска единства, потому что он противоречит общему преданию наших Церквей», – об этом совместно заявили православные и католики.

Это заявление можно считать радикальным изменением позиции Католической Церкви в отношении унии. Безусловно, Греко-католическая церковь продолжает существовать, у нее есть свои верующие, у нее есть свои храмы, есть своя иерархия и свои священники, и она продолжает оставаться частью Католической Церкви, хотя и весьма автономной. Однако на официальном уровне богословами обеих Церквей, Православной и Католической, было заявлено, что уния больше не может рассматриваться как легитимный метод достижения единства. Иначе говоря, католики признали, что уния – политика насильственного насаждения католичества в православных странах с использованием православного восточного обряда – была ошибкой прошлого. Такое признание было необходимо для православных, и мы его добились от католиков. Конечно, сделать это было непросто.

В Католической Церкви баламандский документ вызвал неоднозначную реакцию, точно так же, как он вызвал неоднозначную реакцию и в Православной Церкви. Одной из причин такой реакции стало употребление в этом документе термина «Церкви-сестры» в отношении Православной и Католической Церквей. Уже в начале XXI века нынешний Папа Бенедикт XVI, тогда – префект конгрегации вероучения кардинал Йозеф Ратцингер – издал документ, в котором говорилось, что термин «Церкви-сестры» не должен применяться в отношении Церквей, не находящихся в общении с Католической Церковью. В свою очередь, и в Православной Церкви достаточно широко обсуждался вопрос о том, следует ли и возможно ли применять термин «Церкви-сестры» к тем Церквам, которые не находятся в общении с Православной Церковью. Конечно, мы прежде всего употребляем термин «Церкви-сестры» в отношении других Поместных Православных Церквей. Собственно, Поместные Православные Церкви и составляют то «сестричество», которое в своей полноте является Православной Церковью.

6. Роль римского епископа в I тысячелетии – главная тема православно-католического

диалога на современном этапе

В настоящее время на повестке дня православно-католического диалога стоит тема роли римского епископа. Именно эта тема в свое время разделила православных и католиков. Расширение папского примата, введение учения о вселенской юрисдикции папы, а затем и догмата о папской непогрешимости, или безошибочности – он был введен I Ватиканским собором – стало камнем преткновения в православно-католическом диалоге, привело к еще более резкому разделению между христианами Востока и Запада. Поэтому я думаю, что сам тот факт, что православные и католики решились вместе обсуждать эту тему, заслуживает положительной оценки. К сожалению, первые попытки подступиться к этой теме оказались не очень удачными.

Нужно отметить, что эти попытки имели место в тот момент, когда Русская Православная Церковь – в силу совершенно посторонних обстоятельств – была вынуждена на несколько лет покинуть диалог. Пока мы там отсутствовали, были подготовлены документы, которые обсуждаются сегодня и, с нашей точки зрения, являются неприемлемыми.

Каким образом мы должны обсуждать тему римского епископа? Прежде всего, следует понять, какова была его роль в общении христианских Церквей в первом тысячелетии, потому что именно этот период является той основой, на которой православные и католики сегодня могут выстраивать общую платформу. При всех расхождениях, существовавших в ту эпоху, Церковь оставалась единой, христиане на Востоке и Западе не были разделены. Следовательно, любой путь к сближению лежит через возвращение к наследию первого тысячелетия, которое является общим для православных и католиков. Но, рассматривая первое тысячелетие, мы должны ясно понять и показать, что юрисдикция римского епископа не распространялась на христианский Восток. Думаю, что до тех пор, пока мы не добьемся от католиков такого признания, эту тему нельзя будет считать закрытой. Обе стороны – и православные и католики – должны со всей ясностью заявить, что юрисдикция римского епископа распространялась на христианский Запад, а не на Восток, где были четыре Патриархата, где были автокефальные Церкви, где созывались соборы, на которые папа присылал своих легатов – но не в качестве верховных арбитров, а в качестве делегатов от Западной Церкви. Вот чего мы должны добиться в диалоге с католиками на ближайшем этапе.

Если мы дойдем до следующей темы, роли римского епископа во втором тысячелетии, то конечно, нам нужно будет честно назвать все те разногласия, которые существуют между православными и католиками в понимании этой роли. К сожалению, метод двухстороннего диалога часто предполагает написание некоего общего документа, в котором проявляется тенденция замалчивать различия и выводить на первый план то, что есть общего между Церквями. Когда речь идет о православно-католическом диалоге, этот метод неприемлем, поскольку никуда нас не

ведет. Мы и так прекрасно знаем, что между нами общего, но католики должны ясно понять те различия, которые существуют между нами, и то учение о первенстве во Вселенской Церкви, которое характерно для Православной Церкви.

К сожалению, пока с их стороны такого понимания не наблюдается. Например, бывший глава папского совета по содействию христианскому единству кардинал Вальтер Каспер в одном из интервью сказал, что если мы начнем обсуждать тему роли римского епископа во Вселенской Церкви, то православным придется пересмотреть свои представления о роли Римского папы. (Он ни слова не сказал о том, что свои представления придется пересмотреть католикам). А затем кардинал сказал о существовании «двух кодексов канонического права» внутри Католической Церкви: «один для латинской Церкви, а другой для восточных Церквей, находящихся в полном общении с Римом». «Соответственно этим двум кодексам примат действует одним образом в латинской Церкви и другим – в Восточных Церквях. Мы не хотим навязывать православным порядок, принятый сегодня в латинской Церкви. В случае восстановления полного общения должен быть найден некий новый тип примата для Православных Церквей», -- заявил он. Вот что говорил несколько лет назад глава папского совета по содействию христианскому единству. Иначе говоря, его фантазия не простерлась далее, чем в очередной раз предложить нам унию: «У нас есть восточный обряд, примите его, и проблема будет решена». Мы говорим, что проблема не будет решена ни принятием унии, ни принятием православными того папизма, который существует сегодня в Католической Церкви. Проблему можно решить, только если сами католики пересмотрят свое понимание папского примата, вернуться к тем позициям, на которых они стояли в первом тысячелетии. И тогда с этих исходных позиций можно будет начинать диалог.

Задача, стоящая перед таким диалогом, – непростая, но я бы не стал называть ее невыполнимой. Те сдвиги, которые уже произошли во взаимоотношениях между православными и католиками и о которых я вам вкратце рассказал, показывают, что путь диалога – вполне перспективен. Он позволяет обсуждать имеющиеся различия, имеющиеся проблемы и трудности и приходиться к взаимоприемлемым решениям и формулировкам. Конечно, это не значит, что на практическом уровне сразу будут решены все проблемы, но, по крайней мере, мы намечаем пути этих решений, задаем нашим взаимоотношениям некий положительный вектор.

7. Практический аспект православно-католического диалога

Надо сказать, что диалог между Православной и Католической Церквями имеет и практическое применение. Если, например, в эпоху до II Ватиканского собора невозможно было и представить, чтобы православные совершали богослужение в католических храмах, то сегодня это происходит сплошь и рядом. Многие наши приходы на Западе, в странах с преобладающим католическим большинством, совершают богослужения не в православных храмах, которых там нет, а в

католических храмах, которые им предоставляет местная католическая иерархия. Может быть, со временем эти общины построят для себя собственные храмы, но сегодня Католическая Церковь оказывает немалую помощь православным в созидании наших собственных церковных структур на ее канонической территории. Тот факт, что во многих странах католики нам помогают, сам по себе, безусловно, заслуживает положительной оценки.

8. Православное и католическое отношение к прозелитизму

Следует коснуться проблемы католического прозелитизма на православных территориях. Эта проблема существовала и, в некоторой степени, продолжает существовать по сей день. Мы очень остро ставили вопрос об этом в 1990-е годы, когда со стороны некоторых католических структур, движений, монашеских орденов наблюдалась тенденция воспринимать Россию как свободное миссионерское поле.

Между прочим, в конце 90-х годов у нас с кардиналом Каспером состоялся разговор о прозелитизме. И вот как он обозначил разницу между нашими позициями: «В России, -- сказал он, -- люди, регулярно посещающие православный храм, составляет примерно 3-5% населения, еще 20% – это атеисты, еще несколько процентов – представители иных религий, а все остальные – примерно 60–70% населения – люди не определившиеся, невоцерковленные. Вот с ними-то мы и работаем. Вы не должны считать это прозелитизмом, потому что эти люди к вам в храмы не ходят».

Я ответил ему, что мы понимаем прозелитизм иначе. Все эти 60–70% людей отождествляют себя с Православной Церковью: пусть они еще не ходят в храмы, недостаточно воцерковлены, но воцерковлять их – задача Православной Церкви. Их корни – в Православии, их родители и деды были православными, и дети тоже должны быть православными. Наша задача – воспитывать этих людей в православном духе. Мы не воспринимаем их как некую нейтральную массу, как свободное миссионерское поле: это православные люди, которые еще не до конца воцерковлены, это наша потенциальная паства. Вот такой разговор состоялся у нас с кардиналом.

Мне кажется, за последние годы и в этой области наметились определенные сдвиги, потому что сегодня мы уже не наблюдаем той агрессивной прозелитической деятельности католиков на нашей территории, что имела место в начале 90-х. Сегодня мы видим со стороны католиков стремление найти пути сосуществования с православными на «смежных» территориях. Стремление к сотрудничеству с Православной Церковью прослеживается у католиков, начиная от высшего официального уровня (Римского папы и курии) и заканчивая рядовыми приходами, движениями и монашескими орденами.

9. Улучшение отношений между Православной и Католической Церковью за года

понтификата Бенедикта XVI

В сознании православных, в частности, принадлежащих к Русской Церкви, ухудшение отношений с католиками в 90-е годы было связано с фигурой папы Римского Иоанна Павла II. Как я полагаю, личной ответственности за трагические события на Западной Украине он не несет. В том, что там произошло сыграли роль, прежде всего, политические факторы. Тем не менее, после того, как на Римской престол взошел папа Бенедикт XVI, наблюдается стабильное улучшение отношений и взаимопонимания между православными и католиками.

Папа Бенедикт XVI – человек традиционных взглядов, он всегда представлял в Католической Церкви консервативное крыло и сделал целый ряд шагов навстречу традиционалистам внутри Католической Церкви. Он хорошо знаком с вероучением и церковным строем Православной Церкви, симпатизирует Православию и желает сделать реальные шаги навстречу Православной Церкви. Это наблюдается на протяжении всей его деятельности в качестве понтифика, которая продолжается уже шестой год.

Должен отметить, что Римско-Католическая Церковь – неоднородное церковное объединение. В Католической Церкви есть очень много движений, есть различные течения и направления богословской мысли: от крайне либерального до крайне консервативного. Конечно, по ментальности, по богословским установкам нам ближе консервативное крыло. В этом смысле мы поддерживаем усилия, предпринимаемые папой Бенедиктом XVI для поддержания этого традиционного направления внутри Католической Церкви, потому что именно за этим направлением мы видим будущее нашего диалога.

10. «Стратегический альянс» для защиты традиционных христианских ценностей

Хотел бы сказать еще несколько слов о том, почему сегодня необходимо сотрудничество между православными и католиками в практической сфере. Я уже достаточно много говорил о богословском диалоге – о том, как православные и католики сегодня обсуждают существующие между ними разногласия. Но нельзя забывать о том, что между нами есть много общего. В документе, озаглавленном «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям» -- он был принят на Архиерейском Соборе 2000 года – мы сказали следующее: «Диалог с Римско-Католической Церковью строится и должен строиться в будущем с учетом того основополагающего факта, что она является Церковью, в которой сохраняется апостольское преемство рукоположений». Признание наличия апостольского преемства предполагает и определенный поведенческий стандарт в отношении католиков со стороны православных, и, естественно, в отношении православных со стороны католиков.

Это открывает и возможности для взаимодействия в самых разных сферах человеческой жизни. Богословский диалог воспринимается многими как отвлеченное академическое упражнение. Никто из нас сейчас не знает, каковы будут плоды этого диалога, сумеем ли мы договориться с католиками по тем или иным темам. Мы уже договорились, что уния не является методом достижения единства, но пока еще не договорились о том, что власть римского епископа в первом тысячелетии не распространялась на православный Восток, а также по многим другим вопросам. По-видимому, богословский диалог, который мы сегодня ведем, будет продолжаться еще много десятилетий.

А жизнь людей в самых разных странах идет своим чередом. Православные и католики встречаются с одними и теми же вызовами, которые современная эпоха бросает традиционному жизненному укладу. В данном случае речь идет не о богословских вопросах, а о настоящем и будущем человеческого сообщества. Это именно та сфера, в которой православные и католики могут взаимодействовать без какого-либо ущерба для своей церковной идентичности. Иными словами, не будучи единой Церковью, будучи разделены по различным богословским и экклезиологическим вопросам, мы можем найти такие формы взаимодействия, которые позволяли бы нам совместно отвечать на вызовы современности.

Я называю эту форму взаимодействия «стратегическим альянсом» между Православной и Католической Церквами. Речь идет о том, что мы вместе можем помочь людям осознать, что такое традиционные христианские ценности – семья, ценность человеческой жизни от зачатия до смерти, воспитание детей, целостность и нерасторжимость брака. Все эти понятия в современном секулярном мире подвергаются радикальному переосмыслению. Сегодня на Западе семья – это совсем не обязательно союз мужчины и женщины, это может быть союз мужчины с мужчиной или женщины с женщиной, или вообще некий «многосторонний» вариант. Более того, законодательство целого ряда стран позволяет создавать такие «семьи», предоставляя им те же льготы, которыми пользуются люди, состоящие в традиционном браке. Например, в Германии для того, чтобы освободиться от воинской повинности нужно либо вступить в брак, либо в гомосексуальную связь – льготы будут одни и те же. Некоторые протестантские общины, идя на поводу у секулярных принципов, вводят ритуал благословения однополых союзов. Они говорят: «Ведь закон признает эти союзы легитимными, значит и мы должны признавать». Со своей стороны, мы убеждены, что если закон признает некое новшество, это еще не значит, что и Церковь должна его признать. Для закона не существует понятия греха – существует только понятие нормы и нарушения этой нормы, то есть преступления. А для христиан такое понятие существует.

Сегодня в западном обществе традиционный семейный уклад, по сути дела, разрушен, и следствием этого является постепенное сокращение численности западных народов. Это очень

простой и реальный показатель духовного здоровья или духовной болезни того или иного народа. Если народ размножается, значит, в нем есть здоровые силы, которые позволяют ему воспроизводиться – если же он уменьшается, это признак болезни. И болезнь в данном случае заключается в том, что в обществе отсутствует традиционное представление о семье. Семья не воспринимается как абсолютная ценность. Не считается, что супруги должны сохранять верность друг другу, что одна из основных целей брачного союза – рождение и воспитание детей, причем такого их количества, которое дает Бог, а не такого, как запланируют родители. Сегодня главными приоритетами в обществе становятся карьера, деньги, материальное благоустройство – а семья и рождение ребенка, (причем, как правило, одного) оказываются далеко не на первом месте. Это происходит потому, что в современное представление о счастье хорошо вписывается один ребенок, два ребенка вписываются хуже, а три и далее не вписываются вообще. Современный благополучный мужчина – это тот, у которого красивая молодая жена, ребенок, квартира, машина, хорошая работа, хороший доход. А семья, в которой восемь детей, сегодня исключение, нонсенс. Люди смотрят на такие семьи с удивлением и испугом.

В основе данного мировоззрения лежит разрушение традиционного семейного уклада, и сегодня, если говорить о христианских общинах (я сейчас оставляю в стороне ислам – это особая тема), традиционный семейный уклад проповедуют только Православная и Католическая Церкви. Это не значит, что все верующие следуют учению своей Церкви, но на официальном уровне именно Православная и Католическая Церкви защищают целостность брака, считают грехом аборт и призывают к его искоренению, считают недопустимой эвтаназию. Если вы сравните, например, «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где говорится об очень многих нравственных и социальных вопросах, с Катехизисом Католической Церкви, где по тем же вопросам приводится официальное учение Католической Церкви, то практически везде вы увидите параллельные места. Это говорит о том, что мы можем объединить свои усилия, чтобы вместе защищать традиционные ценности, такие как семья, рождение и воспитание детей, целостность брака. Это то реальное поле, на котором мы сегодня можем и должны взаимодействовать с католиками.

Я думаю, мы должны развивать такое взаимодействие вне зависимости от успехов или неудач богословского диалога, вне зависимости даже от того, как складываются отношения между православными и католиками в конкретных регионах мира, где у них есть трудности во взаимоотношениях. Мы должны выстроить это взаимодействие, исходя из стратегической задачи, поскольку речь идет о будущем человечества.

Я не случайно упомянул ислам. Не буду сейчас развивать эту тему, но скажу одну очень простую вещь, о которой сегодня говорят все: в странах Западного мира многодетными семьями являются главным образом семьи мусульманские. То же самое мы наблюдаем и в российских регионах. Это

говорит о том, что в мусульманском мире сохраняется тот традиционный уклад, который по разным причинам утрачен в большинстве христианских стран или стран, до недавнего времени отождествлявших себя с христианством. Это как бы естественное вымещение одного населения другим простым демографическим путем, и оно происходит на наших глазах.

Всем нам известен печальный пример Косова. Конечно, есть политические факторы, есть разные другие обстоятельства, которые способствовали тому, что там произошло, но мы можем наблюдать вполне стабильное демографическое развитие этого региона на протяжении последних ста или более лет. Количество православного населения постоянно уменьшалось, а мусульманского – увеличивалось.

11. Заключение

Подводя итог, я хотел бы сказать, что сегодня речь идет о будущем христианской цивилизации, если хотите – о ее выживании. И я думаю, что в этой ситуации было бы очень правильно и своевременно объединить усилия тех христиан, которые стоят на традиционных нравственных позициях, а это, прежде всего, православные и католики. Если нам удастся объединить усилия, мы сможем сделать гораздо больше для благосостояния и благополучия людей. Я думаю, что в нашем диалоге с католиками это задача первоочередной важности. Ради ее выполнения можно отказаться от оскорбительной терминологии, можно сидеть за столом переговоров, можно предпринимать с обеих сторон различные усилия – ведь речь идет о реальной жизни и о реальном благе людей.

Что же касается богословского диалога, то он будет развиваться своим путем. Может быть, когда-нибудь он приведет к каким-то результатам, а может, и нет. Мы этого сейчас не знаем. Но мы должны, не дожидаясь этих результатов, выстраивать наши взаимоотношения с католиками здесь и сейчас – выстраивать их на основе взаимного уважения и желания взаимодействовать во всем, в чем мы только можем сегодня взаимодействовать, не поступаясь нашими принципами.